

Никто не забыт и ничто не забыто...

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Тольяттинский вестник

Литературное приложение

**Интернет-издание Тольяттинского местного отделения
Всероссийской общественной организации
ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО»
К выпуску № 10 (33) – август 2022 г.**

Автор – Чекунов Сергей Павлович

Родился 24 августа 1957 года в городе Куйбышеве. В 1976 году окончил Куйбышевский техникум железнодорожного транспорта, отделение «Электротяговое хозяйство железных дорог». С 1976 по 1978 год проходил службу в воздушно-десантных войсках в Литве и городе Пскове. В 1980 году окончил факультет станковой живописи и графики, отделения изобразительного искусства народного университета искусств в Москве. С июля 1988 года работает в Тольяттинском машиностроительном колледже. Автор поэтических сборников «Дорога к храму», «Пространство души», «Территория любви», «Исключение из правил», сборника рассказов «Пять минут с отцом», повестей «Счастливый человек», «Плавск» и литературно-документального материала «Гаврилова поляна». В 2021 году за эту книгу был удостоен премии имени Эдуарда Кондратова в области литературы. **Редактор интернет-издания «Боевое Братство – Тольяттинский вестник» Тольяттинского местного отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО».**

Член Тольяттинского городского отделения Самарской областной писательской организации Союза писателей России. Член Союза писателей России.

Тольятти – 2022

Пять минут с отцом

История, которую я хочу рассказать, относится совсем к недавним событиям, хотя, возможно, правильнее было бы считать, что началась она с момента моего рождения и даже чуть раньше. За десять лет до моего появления мама вышла замуж за фронтовика, прожили они вместе немного, но достаточно для того, чтобы у них появилась дочь, которая успела испытать отцовскую любовь и сохранить о нём память. К сожалению, их семейное счастье было недолгим, вскоре мамин муж умер от туберкулеза. Но, до того как это случилось, он обеспечил свою семью комнатой в коммунальной квартире, что по тому времени, «барачного проживания», было очень даже хорошо. А чтобы получить эту маленькую комнатку в 12 квадратных метров, пришлось обойти много начальников разных инстанций. По-доброму понимали не все и однажды, доведённый этой бумажной волокитой и бюрократией до предела, бывший солдат (кавалер двух орденов и многих медалей), начал действовать по-фронтовому. Войдя в очередной раз к одному из таких «чинуш», не желавшему подписывать ордер, он вытащил его из-за стола, схватил массивное пресс-папье и, чётко проговаривая каждое слово, пригрозил: «Не подпишешь – так отделаю этой штукой твою лысую башку, что она тебе больше будет не нужна! Мне терять нечего!» (видимо, ему было известно о своей неизлечимой болезни)...

...Прошло время. И вот, спустя несколько лет со дня смерти своего первого мужа, мама познакомилась с моим отцом. В ЗАГСе они не расписывались, и когда, вскоре, родился я, то в метриках был записан по фамилии матери, которая, естественно, носила фамилию первого мужа. По её словам, мой отец ко мне относился очень хорошо, но он постоянно хотел жить своей семьёй, не воспринимая мамину дочь от первого брака – мою сестру, склоняя маму пристроить её на проживание к кому-либо из родственников. Но получилось наоборот. К нам переехала жить от своих сыновей – маминых братьев, моя бабушка. Так что прописка по данному адресу отца, на чём он также настаивал, стала ещё более проблематичной. Возможно, это и было поводом к ссорам моих родителей, а в конечном итоге и послужило причиной их

окончательного разрыва. Хотя отец, наверное, тоже переживал это. Он неоднократно встречал маму у проходной завода. Но, видимо, та, чувствуя поддержку родных и близких, а может и по другим причинам, понятным только женщинам, на сближение не шла, и однажды они расстались окончательно. Было мне тогда чуть менее двух лет. И поэтому, всё, что я написал выше – через какое-то время узнал от сестры и самой мамы. Конечно, я не вправе осуждать никого из своих родителей. Я и не осуждаю. Просто не имея других сведений о том периоде их жизни, я и сообщаю то, что знаю, допуская при этом мысль, что пользовался односторонней информацией, которую сейчас ни проверить, ни опровергнуть уже нельзя.

Отца своего я не помню! Я был слишком мал, когда его не стало рядом. Мама пыталась по-своему его заменить, хотя, конечно, заменить его полностью она не могла. И где-то, в глубине души, подспудно, я ощущал некоторую ущербность и неполноценность, в сравнении с другими детьми. Но время шло, и я привык к тому, что меня не было отца. Я не испытывал к нему ни любви, ни ненависти, ни жалости. Как можно было вообще что-либо испытывать к человеку, которого ни разу не видел. Если какое-то чувство и было – то нечто среднее между обидой, сожалением и завистью (чисто на уровне мальчишеского понятия). Это – когда что-то есть у других, а у тебя, хоть умри, нет, и уже никогда не будет.

Когда мы ходили в гости к родственникам или кто-то из них приходил к нам, то в беседах взрослых нет-нет, да и проскальзывала полушёпотом какая-то информация об отце; то – кто-то его видел, то – кто-то о нём слышал. А когда я уже учился в старших классах школы, то однажды заинтересовался о нём сам, на что получил мамин ответ, что, со слов знакомых, он попал в дорожную аварию и умер. Тем самым она как бы поставила этим ответом «вето» на все, связанные с ним вопросы. Да, впрочем, я их и не задавал. Не хотелось лишний раз возвращать её к воспоминаниям, которые были неприятны, и воспринимались ею

болезненно. Да и потом, тот её ответ был для меня более приемлемым. Он, по крайней мере, объяснял факт, – почему отец, зная обо мне и, зная мой адрес, ни разу не захотел со мной встретиться. Я уже и не поднимал вопрос о какой-либо материальной помощи. Ведь жили мы небогато; работала одна мама, а у неё нас было трое: бабушка, сестра и я. Хорошо запомнился случай, как однажды зимой пошла она вечером в магазин, и у неё из варежки выпало 20 копеек. Она вернулась обратно, долго искала. Но не нашла, расстроилась до слёз. Кроме своей основной работы, чтобы как-то свести концы с концами, она ещё убиралась в подъезде, а также брала нянчить соседскую малышку. Конечно, как мог, я ей помогал.

Но жизнь продолжалась, одно событие меняло другое; кто-то умирал, кто-то рождался, кто-то выходил замуж. Я окончил обучение в школе, затем в техникуме, отслужил в армии, женился. Сначала у нас родился сын, через несколько лет – дочь. Работа, ежедневные обязанности, какие-то хлопоты, заботы, переезды из города в город, с квартиры на квартиру, закружили, завертели и отставили далеко-далеко те детские переживания и проблемы, так «притупив» память об отце, словно его никогда и не было в моей жизни. Да я и сам уже давно свыкся с мыслью, что его просто нет. Так как трудно представить, что, оставаясь в живых, он ни разу, на протяжении 20-

ти, 30-ти, 40-ка лет, не захотел бы встретиться с сыном. Правда, несколько лет тому назад, моей тёте (которая когда-то и познакомила маму с отцом), стало случайно известно от подруги, с которой они переписывались, что Павел, как его звали, жив-здоров и проживает в Самаре, где-то на «Безымянке». И это были все сведения.

Однажды, мы были у мамы в гостях и мой уже

взрослый сын, спросил её о том, почему он ничего не знает про своего деда. Она рассказала ему всё, что помнила, и что считала нужным рассказать, показала фотографии того времени. И сын загорелся желанием его найти! Информация была скудная:

фамилия, имя, отчество, примерный год рождения, приблизительное место проживания. Трудно верилось в то, что этого будет достаточно, чтобы отыскать человека, которого, возможно, к тому времени, и в живых-то уже не было. Но сын, по базе данных «пробил» на компьютере то, что ему было известно, проанализировал полученные результаты и с помощью логичных рассуждений пришёл к цели своего поиска. И каково же было моё удивление, когда буквально через два дня, после нашего разговора, он позвонил и сообщил, что нашёл несколько семей с такой фамилией. И что наиболее подходит одна из них, состоящая из 3-х человек, видимо – муж с женой, примерно того возраста, что и бабушка, и, наверное, их сын, который был младше меня на 4-е года. Но место проживания их было несколько другим; не «Безымянка», а 15-й микрорайон города Самары. Зато всё остальное совпадало достаточно удачно. Эту информацию я сообщил маме и спросил её мнение по поводу возможного посещения этой семьи. Она была не против встречи, а наоборот, даже проявила к этому некоторый интерес. Но, если честно, я уже сам не спешил совершить этот неожиданный визит к отцу. Сейчас, когда встреча, как никогда, была близка и возможна, вдруг эта возможность, эта простота и реальность, которая на протяжении 40 лет была только в мечтах, меня стала пугать.

Все последующие дни я провёл в размышлениях и раздумьях, так и не находя какого-то определённого решения. «Ну, приду! – думал я. – Ну, допустим, это – действительно отец! И что дальше? А нужна ли ему эта встреча, если он сам никогда не пытался меня увидеть? Не сделаю ли я хуже для него, для семьи, не внесу ли в неё разлад, нужен ли им новый родственник, да, причём – не один? Ведь, вполне возможно, ни его жена, ни его сын, не имеют обо мне ни малейшего представления. Встретиться с ним не в доме, попросить его выйти во двор, на улицу? Но беседовать на улице о том важном, о том многом, что надо сказать, на глазах у прохожих – тоже не выход. И потом, как воспримется мой приход даже им, самим? Может их семья живет в достатке, и он решит, что я объявился для того, чтобы каким-то образом предъявить права на определённую долю его имущества? Но мне ничего не надо, мне хватает того, что я имею. Как это успеть сказать, прежде, чем он о том подумает? А если квартиру откроет жена или сын, кем представиться? Как вести себя в такой ситуации?» Я засыпал и

просыпался с этими вопросами, они преследовали меня повсюду. Почему-то припоминалось одно из главных высказываний врачей: «Не навреди!» «Действительно, а не наврежу ли я его семье, своей семье, маме и самому себе? Не пожалею ли потом? Стоит ли менять привычный уклад жизни, и выводить на её сцену новых действующих лиц?» Я обращался за советом к ближайшим родственникам, предварительно ознакомив всех со своими спорными мыслями и рассуждениями. Но их мнения разделились. И таким образом судьба предоставила мне испытание – самому принять решение в сложившейся ситуации. И, несмотря на все мои сомнения, все «за» и «против» – я его принял... Ведь, что бы ни случилось, но раз мне в жизни, наконец-то, представилась возможность встретиться с отцом, значит, эту возможность надо использовать...

И вот, в один из февральских дней я решил его навестить. Я шёл и думал: «Как всё нелепо и странно в этой жизни. От дома, где жили родители моей жены, куда мы постоянно приезжали, до дома моего отца, – было, минут десять ходьбы. Мы с женой около 4-х лет снимали поблизости квартиру. А с маленьким сыном мы буквально «изгуляли» этот район вдоль и поперёк. Кроме того, в одном из подъездов дома отца, жила давняя мамина подруга – бывшая наша соседка, которую мама часто навещала. Мы наверняка ходили по одним и тем же улицам, бывали в одних и тех же магазинах, но никогда пути наши с ним не пересекались. А может быть, и пересекались, только мы не могли признать друг друга. Я его видел молодым на нескольких старых фотографиях; он меня помнил таким, каким я был в 2-летнем возрасте. Да и дело то ещё в том, что никто из нас в лица встречаемых прохожих и не всматривался. Кто мог подумать, что так всё получится?»

Вот и этот дом, я вошёл в подъезд. По ступеням поднялся на нужный этаж и подошёл к квартире. Волнение, которое по пути, было незначительным, сейчас, видимо, стало заметным даже со стороны. Более-менее успокоившись, я нажал кнопку звонка. Вдруг промелькнула мысль: «Что же я иду в гости с пустыми руками, как-то неловко. Хотя, это сейчас было не главным». Из квартиры доносились звуки радио, но не более того. Я позвонил ещё раз, – ничего не изменилось. Волнение постепенно сменилось сожалением о том, что, видимо, никого не было дома. Я позвонил ещё раз и, немного постояв у закрытых дверей, ушёл. «Значит, так и должно

было быть», – думал я. Но от своей цели я не отступал. В следующий раз недели через две, в свой очередной приезд в Самару, я вновь пришёл по этому адресу. Результат был тот же. Только в этот раз кроме звонка я воспользовался ещё и стуком в дверь, подумав, что люди, проживающие здесь, всё-таки престарелые. Кто знает, может, они звонков не слышат? Позвонил в соседнюю квартиру. Соседи открыли, но ничего толком сказать не могли. Правда, и я в особые объяснения не вступал. Снова ушёл ни с чем, озадаченный таким странным стечением обстоятельств. Но, всё же решил, при удобном случае, сделать ещё одну – третью попытку – попасть в эту квартиру. И если уж если тогда ничего не получится, навсегда оставить эту затею. Удобный случай вскоре представился.

Как-то в начале марта, перед возвращением в Тольятти, я вновь уже привычной дорогой пошёл к дому отца, особо не надеясь на то, что, мне повезёт и я, наконец, хоть что-то смогу узнать или кого-то увидеть. Было около десяти часов утра. Признаться честно, ещё час назад, у меня не было намерения вообще идти туда, но какое-то странно-необъяснимое чувство всё время возвращало мои мысли к отцу и чтобы не мучиться потом сомнениями, я им уступил. Уже входя во двор, я увидел возле знакомого мне подъезда несколько мужчин, а недалеко стояли две легковые машины.

Вроде вполне понятная ситуация, гости готовятся уезжать домой. Что же меня заставило обратить на них внимание, что показалось странным, думал я, проходя мимо в подъезд и поднимаясь по ступеням? А ведь, пожалуй, лица! Да, лица! В них была, какая-то печаль, вернее скорбь. А почему скорбь? Может потому, что разговор их был негромким, состоящим из односложно-коротких слов, словно что-то мешало им говорить. Что? Горе!.. Горе? Почему именно это пришло мне в голову? Странно... Вот и последний пролёт перед нужным этажом, поворот и... с каждым шагом по ступеням, вдруг, всё больше и больше вырастала в проёме того, «моего» этажа красная крышка гроба, заполняя трауром, печалью и каким-то тревожным чувством всё пространство вокруг себя. О, Господи! Неужели?.. Дверь в квартиру, куда я так безуспешно пытался два раза попасть, приоткрылась, из неё медленно вышла престарелая женщина и прошла к лифту. Её взгляд скользнул по мне, затем вновь вернулся и задержался, словно спрашивая: «А ты кто?» Но я уже входил в квартиру...

...Гроб, обитый красной материей, стоял в центре маленькой комнаты, дверь в которую была распахнута. В гробу лежал... отец. Я узнал его сразу по имевшимся у мамы фотографиям и не только поэтому. Там я увидел... себя. Может быть старше, чем я сейчас, но себя. Никаких сомнений быть не могло – это был мой отец! Возле покойного, на диване и вдоль стены, расположились люди, в основном это были пожилые женщины. Переступив порог квартиры, я остановился в прихожей, не осмеливаясь пройти дальше. Слева от меня, на стуле, сидела молодая женщина, и, так как она была ближе всех, я обратился именно к ней.

- Извините, вы не подскажете, кто из присутствующих здесь самые близкие родственники, мне бы хотелось поговорить с женой или сыном.

- Простите, а вы кто? – спросила она.

- Извините меня, но я не могу вам ответить, предварительно не узнав сам, с кем говорю.

- Вы говорите с женой сына покойного, то есть со снохой, – ответила женщина.

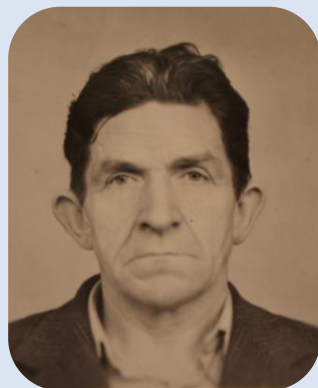
- Вы знаете, вас, словно Бог мне послал, потому что в данной ситуации вы, видимо, одна из немногих, с кем мне и лучше всего поговорить, – полушёпотом промолвил я. Дело в том, что я сын Павла Афанасьевича.

- Вы?! Сын? Как? А мой муж? Он кто? – изумилась она

- Тоже, наверное, сын. Я вам сейчас всё объясню. Возможно, где-то уединиться?

- Да, да, конечно! Идёмте в зал.

В зале мы присели, и я вкратце рассказал ей свою историю; кто я, откуда, как и зачем пришёл сюда. Светлана, а её звали именно так, внимательно меня выслушала и в свою очередь сообщила мне, что отец был болен, последний месяц был вообще «прикован» к дивану, на котором мы сидели. И что, вероятно, он и слышал мои звонки в дверь, но никак не мог встать. А его жены, возможно, просто не было дома. Мы договорились перенести более подробный разговор на то время, когда все уедут на кладбище. Сама Светлана должна была остаться, для уборки квартиры и подготовки к поминкам.

Я прошёл к отцу и встал возле его изголовья. Он лежал передо мной, и я всматривался в черты его лица. Как, действительно, мы были похожи! Вот он, рядом, на расстоянии вытянутой руки, но ничего уже не изменить. Трудно поверить в то, что ещё три дня назад – он был жив. Всего три дня и расстояние меньше метра разделяло нас. Странно, как всё удивительно странно, словно Бог решил, перед окончательным уходом моего отца с физического плана, показать его мне. Показать его мне, не показав при этом меня ему. Хотя, возможно, душа его сейчас где-то рядом. Она видит всё, она знает всё, о чём я думаю. Ну, вот я и пришёл к тебе, отец! Пришёл сам, без твоего разрешения. Только вот поздороваться с тобой уже не могу. Как нелепо, как жалко, как глупо, имея в запасе, более сорока лет, опоздать всего на три дня! Да!.. Оторвавшись от своих раздумий, я посмотрел на тех, кто сидел вокруг и наверняка были моими родственниками. Все смотрели на меня! Во взглядах людей было неподдельное удивление, многие перешёптывались, не отрывая от меня своих глаз. В проёме двери Света объясняла, что-то двум старушкам (о чём она говорила, догадаться было совсем не трудно). Я понимал, что ситуация была сверхудивительная. Умирает человек, и вдруг, откуда ни возьмись, за несколько минут до выноса тела, приходит неизвестный, которого никто никогда не видел, становится возле изголовья покойного, до того на него похожий, словно это он сам встал – живой и помолодевший лет на тридцать. Слышались слова удивления, восклицания, кто-то крестился. Мне было неуютно под всеми этими взглядами, посмотрев ещё раз на отца, я вышел из комнаты, и прошёл в зал. В зале, вместе со Светланой были три женщины. Одна из них, наиболее пожилая, подошла ко мне и сказала: «А я ведь знала, что у Павла был сын от Валентины, значит это вы?» Я кивнул. Другая возразила, что не сын, а дочь. Первая посмотрела на меня, ища поддержки.

- Вы знаете, – ответил я, – по поводу дочери мне ничего неизвестно, возможно она и есть, родившаяся в период между мной и его другим сыном, только не от моей матери. А то, что я его сын, наверное, нетрудно убедиться, посмотрев на меня.

- Вы поедете на кладбище с нами, – спросила третья.

- Нет! Кто я для всех? Если и вы и то сомневаетесь в том, что я его сын! Я никому ничего объяснять, и доказывать не буду, мне это просто не надо, Я пришёл только увидеть отца. Пришёл случайно,

даже и, не думая, что попаду на похороны. И потом, мы уже договорились поговорить со Светланой. Мне у неё многое, что надо узнать.

В это время в квартиру вошли мужчины, сообщив, что автобус приехал, и пора выносить покойного. Все засуетились, запричитали, кто-то заплакал. Мы со Светланой остались в стороне. Один из молодых мужчин что-то искал в антресолях шкафа, встав на нижнюю полку.

— Это мой муж, - сказала она, – сейчас я вас познакомлю.

- Анатолий! Подойди на минутку. Познакомься со своим старшим братом!

Анатолий, видимо не ожидавший такого поворота событий, отпустил руки и буквально свалился вниз на кого-то из выходящих людей. Он подошёл, мы обменялись рукопожатием. Толя был выше меня ростом и внешне мало походил на отца. В тот момент было не до разговоров, и мы условились встретиться позже.

Тем временем гроб уже спускали по лестничным пролётам вниз, увлекая за собой стонущую толпу родственников, близких и друзей покойного. Те три женщины и я спускались последними. Внизу, у гроба, поставленного на табуретки, прощались с отцом. Подошёл и я. Меня пропустили беспрепятственно, видимо многим обо мне уже рассказали. А возможно, они догадались сами. Постоял, помолчал. В последний раз внимательно, чтобы запомнить навсегда, взгляделся в его лицо. Некоторые из родственников уже относились ко мне с теплотой и вниманием. Кто-то жал руку, кто-то обнимал за плечи, кто-то просил не пропадать. Мне предложили ехать с ними на кладбище, в деревню, в нескольких километрах от города, из которой отец был родом. Я отказался. Когда похоронная процессия, состоящая из автобуса и нескольких машин, отъехала и завернула за угол дома, я вернулся в квартиру. Там меня встретила Светлана.

Только сейчас я смог подробно рассмотреть комнату, в которой последнее время проживал мой отец. Обстановка была обычная, без каких-то излишеств и импортной мебели. На полках, на телевизоре, на подоконнике стояли изделия из металла: подсвечники, экзотичные фигуры из металлической ленты, статуэтки и другие заготовки. Видно было, что тот, кто это делал, обладал хорошим художественным вкусом и имел большой опыт в работе с металлом. Светлана заметила мой интерес к поделкам.

- Это всё изготовил Павел Афанасьевич, – сказала она.
- Вы знаете, может это покажется странным, но я тоже увлекаюсь примерно тем же. Только работаю с деревом, вернее с его корнями.
- А у меня и муж тоже этим увлечён, ещё он рисует хорошо, – похвалилась Света.
- Ну, что могу сказать, значит, я действительно не ошибся адресом, сказываются родственные гены, – произнёс я задумчиво. – Я тоже рисую, и даже заочно окончил факультет станковой живописи и графики университета. Правда, это так, для души. Как одно из моих увлечений. А сначала-то, после школы я поступил учиться в железнодорожный техникум.
- В какой, какой техникум? – вырвалось у Светы.
- В наш, Самарский, вернее тогда он был Куйбышевский, тот, что возле вокзала, – не понял я её удивления и, добавил подробнее – в Куйбышевский техникум железнодорожного транспорта, на отделение – «Электротяговое хозяйство железных дорог». По окончании его работал в депо бригадиром, мастером, помощником машиниста электровоза. А что? Что вас так заинтересовало?
- Когда вы там учились? – женщина медленно опустилась на стул.
- Когда? – припоминал я – с 1972 по 1976 год. А в чём дело, Света? В чём? Скажите.
- Просто Толя, ваш брат, учился на том же отделении, того же техникума. Только поступил он в техникум в тот год, когда вы его окончили.
- Да-а-а! – протянул я, – интересная ситуация.
- А где вы жили в Самаре? – поинтересовалась собеседница.
- До переезда в Тольятти мы жили с женой и сыном здесь, в 15-м

микрорайоне. Ну, а моё детство и юность – это район «Серых домов», что напротив «оврага Подпольщиков».

— Это удивительно! – произнесла Светлана, – я сама оттуда.

- Откуда? – не понял я.

- Из «Серых домов!»

— Значит, – произнёс я

медленно и задумчиво, – мы с вами должны были учиться в одной и той же школе!

- Да! – подтвердила она. – И эта школа №...

- 58! – дополнил я.

- Совершенно верно! Но, а в том, что мы не знакомы – ничего удивительно нет. Просто я тогда была на много лет младше, – рассуждала Света. – После школы я окончила филологический факультет нашего университета...

- ...Где сейчас, учится моя дочь, – тихим голосом добавил я.

Мы смотрели друг на друга и молчали, каждый о своём. Я никак не мог разобраться в своих мыслях. Столько впечатлений, столько новых сведений, столько открытий и разочарований, и всё это сразу. К моему удивлению по поводу нашего близкого проживания, к тем рассуждениям, полчаса тому назад, теперь прибавилась ещё удивительная информация о близости нашего существования вообще, о тех единых путях, увлечениях и мыслях, которыми мы следовали по жизни. Невероятно!

- Скажите, Света, а вы давно здесь живёте? – спросил я

- Лет двадцать, – ответила она – раньше жили в Юнгородке (вот она – «Безымянка», вспомнил я), отец Анатолия, ваш отец, – продолжила она, – работал одним из ведущих инженеров-конструкторов, на военном заводе.

- Свет! А есть ли у вас альбомы с фотографиями, – вспомнил я, – хотелось бы посмотреть.

- Конечно, есть! Сейчас принесу, и как я сама-то не догадалась предложить.

Потом мы сидели и рассматривали фотографии, которые, то ли возвращали нас в далёкое прошлое, то ли приближали, то прошлое, к сегодняшним дням. И каждая страница альбома как кусок глины – лепила, как мазок кисти – писала, облик моего отца, составляя хотя бы его примерный образ...

...Я шёл по улице и, кажется, ещё плохо осознавал, что произошло всего за какой-то час. И то, что понимал мозг, ещё никак не могло понять и принять сердце. Как это всё невыносимо горько: найти, чтобы убедиться, что теперь уже потерял навсегда. Сегодняшнее опоздание было одним из самых горьких моих опозданий. Если раньше нас разделяла жизнь и её обстоятельства, то теперь между нами встала смерть. Как всё иногда кажется запутанным и сложным, а на самом деле всё так просто. Порой мы

сами себе усложняем жизнь, которая намного проще, доступнее, понятнее. И оказывается, то главное, что мы ищем и ждём, всегда где-то рядом. А может быть оно заключено в нас самих? Странно, но чтобы эта «встреча» состоялась, мне необходимо было ждать, почти целую жизнь. Сначала – жениться. Далее – дожидаться рождения сына. Потом прожить с ним и его проблемами до двадцатилетнего возраста и ещё немного, до его разговора со своей бабушкой. И, наконец, получить от него сведения о том, кому, обязан появлению на свет и я, а значит, и он сам. А что самое главное – это то, что в этой жизненной цепочке должны были быть все её звенья, от начала и до конца...

Когда мы расставались со Светланой, то договорились не терять друг с другом связи, ведь как-никак – родственники. Но перед моим приездом, она просила сообщить им по телефону. Я звонил несколько раз. Мне никто не отвечал. Поэтому я у них больше не появлялся... Вот, пожалуй, и все!..

...Сейчас, спустя уже несколько лет, со времени описываемых событий, я невольно пришёл к мысли, что всё, произошедшее со мной, было запланировано ранее и что мой сын и ещё много других знакомых и незнакомых людей, принимавших прямое и косвенное содействие той «встрече», – не есть главные участники тех событий. Они были исполнителями здесь, на Земле, чьей-то Высшей воли. Посредством их, было выполнено указание Тех, Кто стоит над нами. Они же и создали ситуацию для выполнения поставленной задачи. Возможно, решив, в знак наказания, за то, что отец, когда-то оставил меня и забыл – лишиться его возможности встретиться со мной и сейчас. Но мне, уже в самый последний день – показали его. Кто знает, может это и к лучшему? Значит, так должно было быть. Каждый из нас заслужил своё. Бог нам судья!..

...И уже потом, через некоторое время, всё снова и снова возвращаясь в своих воспоминаниях к тем событиям, я вдруг однажды подумал: «Что если его душа так и не принята небесами, и мучается со своими грехами здесь. И Господь не возьмёт её к себе, пока эта душа не будет прощёной на Земле. А самое главное, что из всех родных и близких, из всех знакомых с ним людей, возможно, только я один смогу освободить её своим прощением. И мне принимать решение». После этого я несколько раз сходил в церковь,

поставил свечи за упокой его души, помолился, как умел, ведь главное, чтобы это было от сердца. И конечно, в конце нашего мысленного общения с отцом, я обратился к нему со словами: «Поверь, мне очень жаль, что всё так получилось! Прости меня и за то, что было и за то, чего не было!» А наяву несколько раз повторил: «Я прощаю тебя, отец! Я прощаю тебя! Я прощаю!..»

Два жёлтых, верхний – мигающий* (Хроника одной поездки)

Память моя уже не в силах с достоверной точностью восстановить события почти сорокалетней давности, о которых я хочу рассказать, хотя иногда кажется, что всё это было только вчера, или позавчера, ну уж, во всяком случае, не позднее, чем на прошлой неделе. А ведь для того, чтобы оживить воспоминания, необходимо вернуться в мою далёкую юность...

...На выходном светофоре загорелся зелёный свет. Машинист чуть тронул тормозной кран, и весь состав замер в ожидании. Потом легко набрав несколько позиций на

контроллере, заставил поезд напрячься, и застыть в некоем равновесии, а когда после этого стал медленно «отпускать» тормоза, то колёса, плавно освобождаемые тормозными колодками, начали незаметное движение. По тому, как трогается поезд со станции, можно сразу судить об опыте и профессионализме того, кому доверили вести поезд. А в тот раз за «правым крылом» электровоза был машинист первого класса Константин Алексеевич Волков, или просто, как его звал Сергей – дядя Костя.

** На железной дороге – сигнал светофора означающий: «Разрешается проследование светофора с уменьшенной скоростью, не более 50 км в час; поезд следует с отклонением по стрелочному переводу; следующий светофор открыт».*

Сергей с удовольствием и интересом наблюдал за работой настоящего мастера своего дела. Это для него была большая жизненная и профессиональная школа. Строгость параграфов, всевозможных инструкций, указаний, приказов, распоряжений как по нотам расписывают вождение поездов. В них точно определено, когда и какую кнопку нажимать.

Казалось бы, какой разговор об индивидуальности, о творческом отношении к работе? Но трудно припомнить две одинаковые поездки. Не похожи друг на друга по «ходкости» поезда, даже пассажирские, состоящие почти всегда из определённого количества вагонов, одинаковых по своим характеристикам.

Не то, что грузовые: платформы и цистерны, крытые вагоны и полувагоны – специальные для перевозки разных видов грузов – могут выстроиться в миллионы сочетаний. Ветер и тот вносит свои коррективы. Задуёт боковой, смешается в каждом межвагонном промежутке встречный поток воздуха с ветром, и поезд не разгонишь до установленной скорости. А сколько ещё всего надо учесть, кроме направления и скорости ветра. И вес поезда, и его

длину, и соотношение вагонов на роликовых и не роликовых подшипниках. А также подъёмы и уклоны в пути, крутизну закруглений, влажность и температуру воздуха, сцепление колёс с рельсами, напряжение в контактной сети, «графиковое» время хода, близость впереди идущего поезда и, соответственно, показания

светофоров, конструктивную скорость локомотива и скорость, разрешённую по состоянию пути и ещё многое-многое другое. И всё это учитывает машинист. Задумываясь или подсознательно, интуитивно, но учитывает.

А при запуске машины пальцы машиниста словно порхают по клавишам – кнопкам, похожим на старые домашние выключатели, только покрупнее. Контроллер на грузовом электровозе – это блестящая рукоятка с защёлкой, на пассажирском – «баранка», как руль автомобиля. Щелчок – передвижение на следующую позицию. Усилия не заметны. Рука машиниста лежит спокойно, и, когда нужно

сделать очередное движение, она, будто чуть расслабляется, чтобы позволить контроллеру самому «прыгнуть» на следующий контакт. И порой хочется сравнить машиниста с музыкантом.

Пока Сергей размышлял обо всём этом, наблюдая за работой дяди Кости и одновременно вглядываясь сквозь слепящие лучи мартовского солнца вдаль железнодорожного полотна, состав, медленно выпутываясь из множества путей и стрелочных переводов, отходил от города и уже осторожно подкрадывался к мосту через реку Самара.

Это была его главная обязанность во время движения – смотреть, что называется в оба. Смотреть и докладывать машинисту о показаниях светофоров. И вообще обо всех сигналах. Вроде бы зачем, ведь машинист сам всё видит? Видит. Но его внимание, кроме дороги, обращено и к многочисленным приборам, с которых тоже нельзя спускать глаз. Когда речь идёт о безопасности движения, четыре глаза надёжнее. И когда с машиной что-то случится, когда нужно копаться в отказавшей схеме, опять же поможет помощник. Есть ещё и психологическая тонкость. Представьте: ночь, дождь проливной или мороз под сорок с непробиваемым прожектором туманом. А за спиной километр вагонов. И в случае чего, на обочину не свернёшь. И скорость надо держать предельную, потому что вслед идут поезда. И объехать тебя они не могут. И ты – один. Сгорит предохранитель, а чтобы заменить, надо остановиться. Погаснет свет, посветить некому. Тоскливо, невесело в дальней дороге одному да ещё при таком нервном напряжении. И тогда начинаются ошибки. Пустяковые которых раньше не было. А выход из затруднительной ситуации довольно часто помогает отыскать

именно помощник, хотя машинист и грамотнее и опытнее. Просто спокойно оценивать обстановку и принимать правильные решения машинисту мешает «груз ответственности». Даже вполне уверенный в себе, хладнокровный человек думает в аварийной ситуации и о том, что надо сейчас делать и о тех последствиях, что его ждут за задержку поезда. А помощник мало того наблюдает за сигналами и

докладывает об этом машинисту, он ещё и следит во время движения за машиной. Стальной кузов грузового электровоза имеет около трёх метров в ширину, примерно столько же в высоту и около тридцати в длину. Но всё равно в кузове тесновато, приходится боком проходить по коридору, прислушиваясь к любому подозрительному звуку и присматриваясь к работающим механизмам, пытаюсь ощутить и постороннюю вибрацию, и подозрительные запахи. К мерному рабочему шуму машины от поездки к поездке настолько привыкаешь, что любой посторонний стук сразу же обнаруживаешь. И так рейс за рейсом. Помощник и часть работы берёт на себя, и одновременно учится сам. Чтобы позднее стать за правое крыло не новичком, а бывалым человеком.

А поезд продолжал движение вперёд. Всё шло штатно, согласно графику. «Зелёный», – бодро сказал помощник. «Вижу, зелёный, – отозвался машинист и, посмотрев на помощника, попросил – Сергунь, налей-ка чайку, что ли, из термоса и потом пройдишь по машинному отделению, пока до станции далеко, проверь что там и как». «Всё нормально, дядя Костя», – доложил Сергей, вернувшись через некоторое время. «Впереди станция – Чапаевск, входной светофор – два жёлтых, из них верхний мигающий. Принимают на боковой путь, скорость – 40, выходной открыт», – отрапортовал чуть позже молодой помощник. «Боковой путь, 40, выходной открыт», – повторил машинист. Миновали станцию. На большой скорости светофоры, будто сами бежали навстречу. Только с одним разминёшься, зелёной еле заметной искоркой у горизонта уж вспыхивал другой. Нам была «зелёная улица».

Светофорами на перегоне никто не управляет. Автоблокировка. Сами поезда управляют светофорами: «наехал» хотя бы одной колёсной парой на рельсы за светофором и он сразу переключается на «красный». И горит «красным», оберегая этот поезд от движущихся вслед, до тех пор, пока последние колеса последнего вагона, находятся на охраняемом этим светофором перегоне. Ушёл поезд, светофор загорается «жёлтым»; ещё на один участок удалился поезд, «жёлтый» переключается на «зелёный». В кабине электровоза, прямо впереди, между двумя лобовыми стёклами есть тоже небольшие светофоры; так называемая «локомотивная сигнализация», точно дублирующая показания путевых сигналов. Это помогает выбирать правильный режим

ведения поезда, невзирая ни на рельеф дороги, ни на погодные условия, когда трудно различимы сигналы на пути. А справа от машиниста закреплён большой красный грибок кнопки «автостопа», – электропневматического клапана, который всегда при пересечении линии границы очередного светофора, кроме «зелёного», подает пронзительный сигнал. Длится он всего 6-7 секунд и если в течение этого времени машинистом не будет нажата «рукоятка бдительности», произойдёт срабатывание экстренного торможения поезда. Автоматика подстраховывает действия локомотивной бригады, в любых ситуациях, даже в нештатных. И, к слову сказать, все действия машиниста записываются тоненькими писцами на ленту «скоростемера», которую машинист обязан сдать после поездки вместе с маршрутным листом. А это – то же самое, как «чёрный ящик» в самолёте, здесь зафиксированы все действия машиниста в пути и в том числе: показания светофоров, изменение скорости, давление воздуха в тормозной магистрали. После расшифровки этой ленты оценивают правильность действия машиниста, его профессионализм.

Проехали станцию Безенчук и, через некоторое время, впереди показался переезд. Вроде ничего особого, переезд как переезд. Но какое-то необъяснимое чувство опасности заставило Сергея внимательнее всмотреться вперед. За опущенным левым шлагбаумом стоял трактор «Беларусь» с прицепом, а возле него суетился какой-то человек, видимо тракторист, постоянно бегая, подныривая под шлагбаум и наклоняясь к земле. Дежурная по переезду тоже вела себя как-то неуверенно и непонятно. «Дядя Костя, обратите внимание на переезд, какая-то неясная ситуация», – вглядываясь вдаль, произнёс Сергей. «Вижу, вижу, Серёженька, – задумчиво отозвался Константин Алексеевич, – что у них там стряслось? Но, тем не менее, нам – «зелёный» и дежурная, кроме некоторой суеты на переезде, по отношению к нам никаких действий к остановке поезда не предпринимает». «Давай-ка я чуть приторможу, – продолжил он. – Ограничений по скорости и не было?». «Были, но мы уже их давно миновали», – ответил помощник. Чем ближе состав приближался к переезду, тем сильнее нарастало какое-то необъяснимое чувство тревоги. Хотя, на первый взгляд, переезд был «чист», трактор находился за шлагбаумом, лишь тракторист, что-то пытался то ли найти, то ли собрать. «Что думаешь, Сергуня?» «Он что-то уронил или рассыпал и, по-моему,

что-то пытается и не может поднять», – продолжая вглядываться вперёд, задумчиво проговорил Сергей. Но через какие-то секунды всё стало ясно! На левом пути, то есть, на пути, по которому скоро должен был пройти встречный «чётный» поезд, лежали два огромных листа железа, которые, видимо, свисали, не уместившись в кузове, а потом сползли с прицепа от тряски во время проезда через железнодорожное полотно. Листы железа были довольно толстые, миллиметров 10 и размером с кузов прицепа, поэтому, естественно, поднять их или даже сдвинуть одному человеку было просто не под силу. Тем более что часть второго листа накрывала первый. «Как думаешь, на наш путь выходит?» – спросил машинист помощника. «Угол одного листа на грани наших габаритов, может и зацепить, – услышал он в ответ. – Но путь «чётному» перекрыл полностью». «Да уж, «чётный» из графика выйдет». Они приближались к переезду. И действительно, листы железа, сползшие с прицепа трактора, полностью перекрыли оба рельса встречного, «чётного» направления (поезда, следующие в сторону Москвы, имеют нечётную нумерацию, а со стороны Москвы – чётную). При проследовании переезда внизу раздался негромкий металлический удар. «Задели всё-таки!» – подумал Сергей и посмотрел на машиниста. Лицо машиниста было обеспокоенное. «Сергуня, а ты обратил внимание, листы касались головок рельсов?» – спросил он. «Дядь Костя, а ведь вы, пожалуй, правы! – Сергей догадался о том, что волновало машиниста, и задумался. Оба рельса, как обычно бывает на переездах, утоплены и деревянное покрытие возвышается над ними, для плавности переезда и предупреждения деформации самих рельсов, а также для того, чтобы при переезде через железнодорожный путь гусеничной техники, она не перемыкала две колеи рельсов и не путала светофорную сигнализацию. На некоторых переездах для этой цели хранятся даже длинные коврики из толстой резины, которые подкладывают под технику. А что получается в данном случае? «В данном случае вполне возможно, что упавшие листы железа не касаются металлической поверхности головок рельсов, а значит, не показана занятость перегона и светофор и локомотивная сигнализация во встречном электровозе «горят» зелёным светом!» – скорее прокричал свои последние слова в ответ помощник. «А это, в свою очередь, значит, что бригада ведёт состав с разрешённой, для пассажирского поезда скоростью, под 100 километров в час, и не

знают о препятствии! – заключил рассуждение помощника машинист и тут же крикнул – Серый, рацию!» Какая-то неприятная дрожь пробежала по всему телу, в то время, когда Сергей метнулся с трубкой к машинисту. «Так, дежурной по станции передавать уже бесполезно, время упустим на все эти переговоры – рассуждал сам с собой Константин Алексеевич и приступил к вызову машиниста

встречного. – «Чётный», проследовавший станцию..., «чётный», я «нечётный», проследовал переезд на ...километре. Переезд занят. Примите все меры к остановке поезда! «Чётный», проследовавший станцию...Приём! Как слышите меня, приём!» Где-то далеко, что-то шипело и хрипело, но

ничего внятного услышано не было. «Да что такое?! «Чётный!» «Чётный!» Я «нечётный», проследовал ...километр, переезд занят! Перегон закрыт! Срочно примите меры к остановке поезда!» Снова хрип и шипение в динамиках. «Слышат нас или нет? Это ж надо, как нарочно связь отвратительная!» – негодовал дядя Костя. «Ну что ж, будем принимать меры сами! Какие предложения, помощник? – обратился к Сергею машинист. «Пока нам «зелёный» мы можем увеличить скорость – это первое, как можно дальше отъехать от переезда, чтобы при встрече и сообщении о препятствии, у них был большой запас тормозного пути – торопливо ответил Сергей. «Правильно! Но это не единственное, что можно сделать! – твёрдо ответил Константин Алексеевич. – Сейчас главное не паниковать, действовать согласно обстановке и инструкциям. От нас зависит жизнь людей». «Дядя Костя, как вы думаете, дежурная по переезду сообщила дежурной по станции?» «А я вообще об этом не думаю, а если и думаю, то самое худшее. У неё ведь идет свой отсчёт времени, а у нас свой, помноженный на скорость». «Всё Серёжа, к делу! Кстати, скорость я немного увеличил. Занимай моё место! Да! Да! Место машиниста! Твоя задача – следить за путём. Применяй служебное торможение, в случае необходимости. Когда появится «встречный», подавай сигнал к остановке – три длинных гудка и так постоянно. Да, и всё же постарайся связаться с дежурной по

ближайшей станции и сообщить о случившемся. Всё! Выполняй!» – всё это говорилось, пока дядя Костя освобождал своё место для Сергея и доставал красные сигнальные флажки. Потом он распахнул дверь со стороны помощника машиниста и, зафиксировав её в открытом положении, выглянул наружу и спустился на одну ступеньку вниз, держась правой рукой за поручень электровоза. В кабину влетал холодный весенний ветер. «Дежурная по станции... говорит нечётный, проследовал ...километр, переезд, возле посёлка... закрыт. Перекройте перегон на чётном направлении этого участка – начал передавать по рации Сергей. – Дежурная по станции...говорит «нечётный» проследовал... километр». «Дежурная по станции...слушает! «Нечётный», что у вас случилось!» – послышался наконец-то голос дежурной, прорываясь сквозь шум поезда, гул ветра и помехи. Но было уже поздно! «Дядя Костя! – закричал Сергей, перебивая всевозможные шумы. – Встречный!» Впереди тёмной точкой показался поезд. «Дежурная по станции ...слушает! Ответьте! «Нечётный!» Говорит дежурная

по станции...», – продолжала пищать трубка, но сейчас уже она помочь не могла. «Начинай подавать сигнал к остановке, посигналь прожектором» – прокричал машинист и, спустившись ещё на одну ступеньку, повис на выпрямленной правой руке.левой рукой с зажатыми красными флажками, он стал совершать круговые движения, означающие экстренную остановку. На большой скорости это было делать очень трудно. Ветер трепал тело машиниста, стараясь прижать его к корпусу электровоза и вырвать флажки. Ревун под крышей электровоза трёхкратным противным воем прорезал пространство. «Когда же, когда же? Ну, же! Ну!» – шептал Сергей, всматриваясь в приближающийся состав. Наконец-то! Из-под колёсных пар «встречного» поднялось едва заметное облачко – это песок, значит, начали тормозить. Дядя Костя устало ввалился в кабину. Через несколько секунд мимо, с визгом экстренного торможения, промчался пассажирский состав. «Мы сделали, что могли, теперь всё зависит от них», – медленно произнёс Константин

Алексеевич, возвращаясь на своё место и останавливая состав. «Вдруг будет необходима кому-то помощь и, потом, ведь мы тоже «пострадали» – на переезде был удар о препятствие. Надо осмотреть локомотив», – пояснил он, поймав на себе взгляд помощника и беря, наконец, трубку, всё ещё зовущую их голосом дежурной по станции. «Дежурная, говорит машинист «нечётного». Остановился на ...километре. На переезде, возле посёлка...выпавший из кузова трактора груз, перекрыл движение на чётном направлении. Встречный поезд предупреждён. Я «встал» для осмотра локомотива. После проверки – доложу. Всё, конец связи». Поезд медленно останавливался. «Ну-ка, Сергуня, спустись, осмотри, что у нас за повреждения, а потом сбегай-ка по-молодецки, узнай, какая там у них обстановка, – попросил дядя Костя. – Кажется, «чётный» успел остановиться». «У нас повреждена одна из «песочниц», немного помята железом («песочницы» – трубы подходящие прямо под колёса локомотива, по которым из песочного бункера, для повышения сцепления колёсных пар с рельсами подаётся песок), а остальное так, одни царапины – крикнул после осмотра Сергей в окно локомотива. – Я побежал к переезду».

Когда через некоторое время запыхавшийся помощник подбежал к локомотиву «встречного» поезда, то увидел, что от кабины электровоза до лежащего стального листа оставалось не больше десяти метров. «Ну, вы герои, спасибо! – схватил Сергея в охапку спустившийся по лестнице электровоза грузный машинист. – Если бы не вы, мы бы при всём желании не смогли остановиться и, въехав на этот лист, скользнули бы в сторону, под откос. Страшно представить, что бы тут было! Кто машинист? Волков! Костя? Я его должник! А мы видим: вы нам сигналите, даже из

кабины вылезли, ну думаем, это уже очень серьёзно и сразу по тормозам. Молодцы!» Сергей медленно присел на рельс, вытянул вдоль шпал утомлённые от бега ноги и, собрав руки за головой, глубоко вдохнул весенний воздух. Пахло землёй, зноем работающего моторного отделения, смазкой от букс и таким особенным запахом пропитанных древесным дёгтем шпал. Только

сейчас он заметил, как устал – пот буквально струйками стекал по его лицу. А тем временем, проводники открыли двери вагонов, из дверей и из окон выглядывали любопытные пассажиры. Никто так ещё до конца и не понял – что случилось. А собственно, что случилось? Ничего как раз и не случилось! Просто – остановился поезд...

Под голубыми небесами...

...Они были в пути уже вторые сутки. Вторые сутки мимо поезда мелькали запорошенные снегом леса, небольшие деревушки, переезды с опущенными полосатыми шлагбаумами, светофоры и небольшие станции. Вторые сутки с громом и стуком колёс проносились мимо встречные поезда, медленно проплывали большие станции больших городов. Сергей лежал на верхней полке и, не отрываясь смотреть в окно. Полка была в последнем купе вагона, за стеной располагался тамбур и туалет, где всё время, и день и ночь, толпились ребята. То и дело хлопала дверь, выбегали, кто покурить, кто попить, кто ещё за чем-нибудь. В другое время всё это мешало бы и раздражало Сергея, но сейчас он даже не замечал этого. Мысли его были далеко, там – дома, откуда он уехал 14 ноября. А сегодня уже – семнадцатое...

Накануне отъезда Сергей почти весь день бродил по улицам знакомого с детства города. Под ногами хрустел ледок, но солнце

кое-где растапливало прихваченные морозцем лужицы. Небо было голубое и чистое. Сергей любовался знакомыми с детства улицами, перед глазами стояли картины недавнего прошлого, на душе была какая-то грусть и ностальгия по тому времени. Последний перед отъездом день Сергей провёл дома, сидел на диване, слушал свою стереорадиолу, осматривая комнату так внимательно, словно пытался запомнить надолго все мелочи, останавливая взгляд на каждом предмете. На душе было волнительно и тревожно. Где-то он будет завтра? Всего сутки, даже меньше, отделяли

его от неизвестного и нового в его жизни – «армии». Мама тихо проходила по комнате, нет-нет да их взгляды встречались. «Тяжело ей, наверное, сейчас – думал он, но успокаивал себя, – что поделаешь, ведь армия – есть армия». «Мама», очень любил Сергей это слово, никогда не говоря грубо – «мать», всегда – «мама». Отца у него не было, конечно, раньше он был, но ушёл от них, когда Сергею было два года. Сергей считал, что у него нет отца, не было, и нет... Завтра она останется здесь одна, а он уедет, и от этого ком подходил к горлу. Вечером Сергей долго не мог заснуть. Сама мысль, что это последняя его ночь дома, не давала этого сделать. Он всё думал, вспоминал, наконец, где-то уже ближе к утру забылся. Будильник разбудил его в 6 часов. Позавтракал, взял в небольшой рюкзачок, последний раз окинул комнату, и они с мамой вышли из квартиры.

Было воскресенье. Для кого воскресенье, а для кого понедельник новой жизни. У стадиона уже толпился народ; где-то в компании слышались переборы гитары, рядом пели песни. А Сергей был лишь с мамой. Он больше никого не хотел видеть рядом в этот день. Они стояли отдельно, говорили о пустом, о чём-то совсем не главном, но оба думали об одном, оба посматривали на часы. Наконец мама не выдержала и, прижавшись, к сыну заплакала. «Ну вот, этого ещё не хватало, – подумал Сергей, – и так тяжело на душе, а тут – слёзы». Сергей успокоил её, но глаза всё равно уже были на «мокром» месте. Она, то переставала плакать, то плакала незаметно опять. В 8 часов всех призывников пригласили за ворота стадиона.

Сергей поцеловал маму: «Всё будет нормально, не плачь!».

«Пиши, сынок! Слышишь – пиши!» – тихо промолвила мама.

«Обязательно, обязательно, мама!»

«Ну, я пойду».

«Да, да иди сынок, хотя, постой, дай я тебя ещё раз поцелую и пойдёшь».

Сергей наклонился и ощутил тепло маминых губ. Он посмотрел последний раз на маму и вошёл в ворота. Через

несколько минут все призывники построились, сделали перекличку и все расселись в автобус, который минуты через две, вырвавшись из объятий провожающих, покатил по улицам утреннего воскресного города. Через час они пересели в электричку, а уже через часа три были на областном призывном пункте, в Сызрани, где их снова строили, считали, проверяли. Пока распределили в казарме, с двухъярусными нарами. Вместе с другими призывниками Сергей постригся и стал похож на настоящего новобранца. Скоро стали вызывать на заключительную комиссию, распределяющую по родам войск. И какое же было разочарование от того, что его записали в железнодорожные войска. Хотя Сергей мечтал о ВДВ. Он в своё время усиленно занимался спортом, в частности борьбой «самбо» и посещал парашютную секцию в ДОСААФ.* И после трёхмесячных ознакомительных занятий, с отработкой элементов управления парашютом на тренажёрах и их самостоятельной укладкой – было совершено 3 прыжка с самолета Ан-2, с высоты 1000 метров, с принудительным раскрытием купола. В результате чего был получен 3-й разряд по парашютному спорту.

Конечно, было понятно, ростом он не вышел, да и, действительно, полгода как окончил железнодорожный техникум. Всё правильно, но он решил не отступать. Весь следующий день буквально по пятам ходил за майором-десантником, приехавшим за партией молодых. Рассказывал, доказывал, просил, даже предлагал рисовать газеты и выпускать боевые листки, так как он уже второй год заочно учился в университете искусств, на факультете станковой живописи и графики.

Наконец – уговорил. «Ладно – будь, по-твоему, заберу тебя в десант, направим в учебную дивизию на «механика-водителя», там рослые не нужны», – согласился майор и взял у председателя комиссии документы Сергея. – Жди по радиокоманду на построение».

Ночью их «команду» подняли и после проверки, они проследовали на станцию, где сели на поезд и остаток ночи провели в пути. Утром состав прибыл в Ульяновск. Здесь они пробыли весь день и их даже сводили в кинотеатр на фильм. Ближе к ночи они были посажены на поезд, в котором ехали уже вторые сутки.

** Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту.*

Поезд шёл на запад. Где-то позади, осталась Москва, приближались к Белоруссии...

Сергей прислушался к разговору, доносившемуся снизу. Там о чём-то оживлённо спорили со старшиной – десантником, сопровождающим их до части. Потом долго слушали его рассказ о службе, о том, что ожидало каждого из них. Сергей тоже слушал, свесив голову с полки, и завидовал ему, завидовал, что для него всё кончилось, что скоро этот старшина поедет домой. А тут только начало. И мысли вновь возвращались к дому, к последним дням, проведённым на «гражданке». Он отвернулся к окну и вновь стал смотреть на мелькающие шпалы и голубоватые рельсы. Смеркалось. Остановились на станции города Минск. Поезд стоял недолго из него никого не выпускали. Какая-то девушка собирала письма, которые призывники бросали из окон. Сергей тоже выпустил в раскрытое окно два письма, написанные накануне. Он видел как они, кружась и переворачиваясь, упали на перрон, как девушка подняла их, сунула в толстую пачку таких же писем и пошла дальше. Сергей проследил, как она потом подошла к почтовому ящику, висевшему на здании вокзала и долго просовывала все письма внутрь, наверное, заполнив ими за один раз сразу весь ящик полностью.

Белоруссия! Поезд шёл по Белоруссии. Сергею почему-то вспомнилась песня: «Белый аист летит, над полесьем, над тихим жнивьём...». «И действительно, как в песне», – думал Сергей. Маленькие домики, разбросанные по холмам. Сырость, болота, сосны. Белоруссия! Здесь была война, может даже вот здесь, где сейчас проезжают они. Приближалась Литва.

Вильнюс встретил неожиданно светящими надписями вокзала на русском и литовском языках, непонятной речью на перроне, а иногда и понятной, чем-то напоминающей русскую. Поезд простоял около получаса, и вновь лязгнули автосцепки вагонов, вновь по составу передалась волна от пришедшего в движение локомотива, и поезд стал медленно набирать ход. Под тихий мерный стук колёс и покачивание вагона, так и не найдя ответ на вопрос – «Куда же нас всё-таки везут?», Сергей не заметил как задремал. Разбудила его резкая команда – «Подъём!» А где-то в начале вагона уже отдавали распоряжения: «Строиться выходи! Вещи не забывать! Дневальным навести порядок!» Сергей

спустился с полки, снял рюкзак и вместе с толпой таких же, как и он, наголо подстриженных ребят, выбрался через узкие двери вагона на перрон. На здании вокзала на русском языке было написано – «Гайжюнай». Их построили, проверили и затем рассадили по машинам. Колонна машин тронулась и скоро въехала в лес. Влажный воздух, пропитанный смоляным запахом, врывался в закрытый тентом кузов. Сергей стоял рядом с кабиной и смотрел вперёд, но ничего, кроме освещённого фарами кузова передней машины, он не видел. Тёмным силуэтом вырисовывались ели и сосны по обеим сторонам дороги. Сергей посмотрел на часы – 15 минут второго. «Тут, наверное, время то уже другое, другой часовой пояс, – подумал он. – Странно, но я живу ещё пока по-своему – Куйбышевскому времени».

Вот, наконец-то, лес поредел, показались огни и машины одна за другой направились в сторону освящённых домов. «Да здесь целый город!» – удивился он. Машины остановились на площадке, возле одного из зданий с огромными окнами, и послышалась команда: «К машине!» Потом был снова медицинский осмотр, распределение по подразделениям, и первая в армии баня, после которой Сергей облачился в новенькое хлопчатобумажное обмундирование и сапоги. Всё это сидело на нём как-то смешно и необычно. К тому же сапоги чуточку жали, да и вообще, Сергей не мог понять, как это в армии можно ходить всё время в сапогах и в холод и в жару. Выйдя из бани, он почувствовал прохладу ноябрьской ночи. Какой-то сержант привёл его в казарму и сказал: «Жди старшину. Скажешь, что тебя сюда определили». Пока не было старшины, Сергей осмотрел казарму. На койках, в два яруса, спали солдаты. У тумбочки стоял дневальный. На стене висело расписание занятий, а рядом – адрес того места, куда он прибыл. Видимо, он был написан для того, чтобы его сообщить родным. Сергей переписал. Он, наконец-то, понял, что попал в 44-ю учебную дивизию Воздушно-десантных войск, которая дислоцировалась в Литве, недалеко от Каунаса, вблизи городка Ионава, на реке Нярис. И что он был определён на обучение специальности механика-водителя авиадесантной артиллерийской самоходной установки (АСУ-57). Кстати, здесь высокий рост как раз даже мешал.

Из всех вещей, что остались у него после всех проверок были: электробритва, мыльница с зубной щёткой, да тетрадь с конвертом и набором ручек. Остальное всё либо отобрали, либо

выбросили перед баней. Старшину ожидать долго не пришлось. Вошёл невысокий старший сержант, дневальный указал Сергею на него и шепнул: «Старшина». Сергей подошёл, доложил, как мог и сразу понял, что старшина пьян. Он стоял, опёршись на край стены в одной руке держа указку, в другой – радиоприёмник, из которого раздавалась какая-то западная музыка.

«Так, – наконец сказал старшина, оглядев Сергея. – Усы, значит, сбрить! Откуда родом?»

«Из Самары» – почему-то сказал Сергей.

«Из Самары, значит? – хитро протянул старшина. – Ну, ну! А что разве есть такой город? Есть Куйбышев! Понял? Нечего под блатного косить. Какое у меня звание знаешь?»

Сергей ответил: «Старший сержант».

«А как звать меня будешь!»

Сергей на миг задумался и неуверенно сказал: «Старшина».

«Правильно! Молодец! – обрадовано воскликнул старшина. – А теперь иди в бытовку, сбрей усы и спать!»

«Понял? – он приподнял указкой подбородок Сергея. «Так точно!» – ответил Сергей. «То-то же. Иди!»

Сергей брил усы, когда старшина вновь появился перед ним. Шатаясь, он вошёл в бытовую комнату, сел на стул и уставился на Сергея.

«А ты понимаешь, что я уже скоро два года как служу, а в отпуске не был ни разу. Понимаешь, каково мне? Ни черта ты не понимаешь! Послужишь – узнаешь – то ли жаловался, то ли рассуждал старшина, потом спросил. – Усы сбрил? Покажи»

«Потянет, а теперь – спать»

«А где мне лечь, товарищ, старшина» – спросил новобранец.

«Идём» – старшина привёл его в спальное помещение и указал на одну из коек. – Твой взвод сейчас в наряде по столовой, пока ляжешь здесь».

«А она не занята?» – засомневался молодой солдат.

«Что? – протянул старший сержант. – Забыл кто я?»

«Нет! Старшина!»

«Вот именно и я здесь самый главный. Ложись, говорю!»

Сергей снял сапоги, разделся и лёг. Время было около пяти часов утра. Ему не спалось. Минут через десять он услышал тяжёлые шаги старшины, подошедшего к его койке. Сергей приоткрыл глаза. Тот возился в карманах куртки, листал военный билет, тряс его.

«Деньги что ли ищет?» – думал Сергей.

Ничего не найдя, сержант бросил «х/б» на табурет и

удалился. Всё это не очень понравилось Сергею. Неужели в армии так везде? Господи, как здесь всё непривычно! Сергей лежал на втором ярусе коек, в самом наихудшем расположении духа. В шесть часов раздалась команда дневального: «Батарейя», подъём!» И сразу со всех сторон раздался скрип пружин – это вскакивали и спрыгивали со своих коек солдаты. Все куда-то бежали и торопились. «Строиться, – как потом догадался Сергей. – А потом на физзарядку». Сергей тоже встал и не знал, куда ему деться. Потом оделся и пошёл в столовую знакомиться со

взводом.

Выйдя из казармы, Сергей попал под струи дождя, было прохладно и сыро. Он пересёк плац части, прошёл мимо двух трёхэтажных зданий и вошёл в стеклянные двери, над которыми значилось «Солдатская столовая». Там он увидел того самого сержанта, который привёл его в казарму и не найдя больше никого знакомых, подошёл к нему. Весь день он крутился как белка в колесе: накрывал на столы, причём, на две смены, убирал посуду, мыл кружки, бегал по залу то туда, то сюда, выполняя задания сержантов. К концу дня он уже не мог ходить, в новых намокших сапогах он сильно натёр ноги. Перематывал по несколько раз портянки, но толка было мало, да он и обматывать ноги ими правильно ещё не умел. В конце наряда дежурный по столовой велел ему и ещё одному полному парню вынести отходы. На обратном пути к столовой их остановили четверо высоких широкоплечих ребят.

«Слушай, – сказал один из них, глядя на новую шапку Сергея. – Дай мне шапку, зачем тебе она, домой всё равно не скоро, а мне уже близко».

«Не могу, – возразил Сергей, – старшина накажет».

«Что? – протянул долговязый и, сорвав с Сергея шапку, надел на его голову свою, похуже. А пока Сергей, опешив, смотрел, как примеряет его новую шапку обидчик, стоящий рядом второй верзила, сорвал с головы Сергея шапку долговязого и сменил её на свою – ещё хуже и старее. Сергей пытался вернуть свою шапку, но сильный и резкий удар в живот заставил его нагнуться и в тот же миг он почувствовал боль от пинка ногой по лицу. Его полного друга, бросившегося на помощь Сергею, тоже свалили куда-то в снег.

«Ну как, ты доволен?» – спросил долговязый.

«Доволен», – сквозь зубы промычал Сергей. «Дембеля» рассмеялись и удалились. Ребята пришли в столовую, и Сергей рассказал пришедшему туда старшине, уже проспавшемуся после вчерашней попойки о случившемся. Старшина долго кричал и тоже

отпустил парочку подзатыльников и приказал во что бы то ни стало добыть шапку, где угодно. Воровать или грабить, таким образом, Сергей бы не смог и поэтому, вечером он написал письмо домой, с просьбой выслать перевод, рублей десять. Первое письмо из армии. Сергей писал его, и ему хотелось плакать. «Вот – письмо, и то будет дома

через три-четыре дня, – думал он – а мне до дома целых два года. Да, печально началась для меня служба».

Ноги, натёртые в новых сапогах, ныли и саднили. В казарме Сергей лёг уже в своём взводе, на место, которое ему указал командир отделения. Лёг и сразу заснул. Команда «подъём!» прервала его сон. Быстро одевшись, Сергей, вместе со всеми, выбежал из казармы. Было темно и холодно. Взвод построился, и сержант громко скомандовал: «Бегом – марш!» Начали бег быстро. Первые метров двести Сергей «шёл» нормальным темпом. Следующий, примерно такой же отрезок, тоже пробежал терпимо. Потом дорога пошла на подъём, и он устал. Ужасно кололо в правом боку. Ноги стали ватными, не хватало воздуха. Все ещё бежали

нормально, а Сергей уже не мог. Сержант то бежал впереди, то вдруг оказывался сзади и подгонял отстающих пинками ног и ударами метровой палки. Сергей старался в это время из последних сил догнать ребят.

«Сколько ещё надо бежать? Сколько? – думал он. – Уже не могу! Сейчас упаду... Не могу!» И это слово «Не могу» вставало перед ним всё огромное и огромное в размерах. Он уже не ощущал утренний холод – было невыносимо жарко. Он расстегнул верхнюю пуговицу «х/б» потом вторую, но легче не стало, ноги

подкашивались, он отставал и отставал... Когда они добежали до какого-то здания – стрельбища (как потом узнал Сергей), послышалась команда «Кругом – марш!» Сергей надеялся, что сейчас последует команда «Шагом – марш!», но команды не было и все продолжали бежать. Сергей ужаснулся. Это что же ему надо было ещё обратно пробежать то

же расстояние, где он сейчас чуть не умер?.. Он ни о чём уже не думал, бежал и бежал и только видел спины своих сослуживцев, слышал их шумное дыхание и топот сапог по лужам и грязи. Пот буквально умывал лицо Сергея, а сержант бежал также спокойно и ровно, как будто бы только начал свой бег. Иногда кто-нибудь из солдат поскользнувшись падал, увлекая за собой рядом бегущих, они быстро вставали и догоняли строй потных товарищей. Навстречу им светили огни военного городка, а вокруг лес и лес, лишь где-то левее виднелись контуры вышек парашютного комплекса.

Сергей от кого-то слышал, что от парашютного городка до казармы – 2 километра. Значит, сколько всего получилось? Да где-то около восьми. Это что же, каждое утро такое мучение? «Вот тебе и десант! Сам напросился. А, впрочем, всё это следовало ожидать» – рассуждал солдат. Сергей не помнил, как он добежал до спортгородка. Там всех ждали следующие испытания. Приказав сесть на брусья, сержант стал считать: «Раз-Два! Раз-Два!» и, закрепившись одними ногами, ребята стали качать «пресс». После

нескольких раз уже невозможно было подняться без помощи рук. Далее сержант приказал всем обняться за плечи и продолжать те же самые «подъёмы», но уже не по отдельности, а всем вместе. Это было намного труднее, ведь теперь чёткость выполнения зависела от каждого. Не мог подняться один – «зависали» все, крича и ругаясь на того – одного. Потом была перекладка. Здесь Сергей мог сделать подъём – переворотом только два раза. «Будешь учиться ночами, – сказал командир отделения, – надо не менее шести раз».

Наконец все забежали в казарму. С этого дня Сергей стал думать так: «Зарядка кончилась – считай день уже прошёл!» Видимо потому, что эта зарядка была самым трудным испытанием из всех испытаний, приходящихся на день. Потом шёл утренний осмотр. Здесь тоже сержанты не «сюсюкались». Утренний осмотр проходил чётко и строго. Пока Сергея не трогали (новенький), но на завтра обещали скидок не делать и ему. Первые дни многому его научили. Он понял, что полгода службы в этой учебной дивизии будут для него настоящей школой выживания. Пожалуй, от такой службы дни начнёшь считать. Кстати, сегодня шёл седьмой день, как он уехал из

дома. Всего лишь седьмой, только седьмой...

А сколько таких дней ещё ожидало впереди. Со своими изнурительными тренировками и до изнеможения спортивными занятиями, сбитыми в кровь руками при вождении и обслуживании техники в холодном парке и растёртыми

от мокрых сапог ногами, грозными утренними осмотрами и изнурительными нарядами, бессонными караулами и изматывающими лыжными кроссами. А чего только стоили марш-броски на каждый очередной прыжок от расположения казармы до аэродрома, который естественно находился не рядом (где-то километров в 10-15-ти) и, конечно, по полной боевой выкладке. Когда бежишь по сугробам заснеженного леса и жадно глотаешь воздух, весь мокрый насквозь (так, что военный билет потом приходилось на батарее просушивать), за плечами и рюкзак, и

автомат, и противогаз на боку, и подсумок с «магазинами» к автомату и думаешь: «Ну, и зачем ты здесь? Строил бы себе где-нибудь в тайге узкоколейку, а может на тепловозе работал. Нет, захотелось мальчику романтики десантной службы» Добегаешь до аэродрома и, в дополнение ко всему выше сказанному, с «радостью» узнаёшь от сержанта – командира отделения, что в норматив не уложились, а это значит, что после прыжков – обратно в городок, снова марш-броском. «Ё-моё! Какой дурдом! Всё – это конец! Я не выдержу! Однако – выдержал...»

И был тот марш-бросок и другой и третий. И уже потом, в войсках, куда по окончании учебного подразделения, их: 5-х командиров машин и 3-х механиков-водителей, направили в Псков, в 76-ю гвардейскую Черниговскую Краснознамённую десантно-штурмовую дивизию, которая, среди всех дивизий ВДВ, считалась спортивной, и ею всё время в «учебке», сержанты пугали всех курсантов. Всё пришлось испытать и пережить. И прыжки с парашютом на Псковское озеро; летние и, особенно, зимние, выезды на месяц–два на полигон под село Струги Красные, на боевые стрельбы, и проживание там, в палатках в 30 градусный мороз; испытания техники на закрытом полигоне одного из полуостровов Чудского озера; участие в празднике – освобождения Пскова от немецких захватчиков, с настоящей переправой через реку Великая, при артиллерийской поддержке и полной пиротехнической

инсценировкой боя. Не забыть и учения с десантированием техники и её швартовкой, укладкой и перекладкой парашютов. Кстати, его парашют, который надёжно раскрывался при прыжках, имел очень интересный номер – «1313», да и номер

самоходки далеко от этого не отошёл – «313», а парк вообще опечатывался печатью с конкретным номером – «13». Это, ставшая и счастливой и любимой, цифра, потом сопровождала Сергея и на «гражданке», обозначая день будущей свадьбы – 13 июля. И, конечно, не забыть и то, как при выполнении учебного задания самоходка с экипажем, передвигаясь по льду замерзшей речки,

провалилась под лед. И как именно здесь проявились те качества взаимовыручки и взаимопомощи десантников, когда другие экипажи, развернули свои «машины» и направили их в тёмную и холодную воду на помощь друзьям, чтобы мощными тросами вытянуть их на кромку берега. Не забыть и то, как при десантировании с борта нового тогда самолёта Ил-76, в четыре потока: два с задней ramпы и два с правого и левого бортов, вдруг уже при раскрытии купола, услышал над собой гул самолета, почувствовал снос парашюта в сторону и провал. Ничего не было видно, всё было в тумане – прыгали буквально в облака. Потом стало ясно, что за первым «кораблем», летел в «караване» следующий, но на меньшей высоте, и поэтому его фюзеляж скользил по уже раскрытым куполам парашютов и «гасил» их. И, конечно, на всю жизнь врежется в память 17 февраля 1978 года. Когда плохо отстрелявшись, там же на полигоне, в Стругах Красных, по приказу начальника артиллерии, которого за высокий рост солдаты в шутку прозвали «Стропа», «батарея» в полном составе была оставлена в чистом поле копать окопы для самоходок, ломами и лопатами вгрызаясь в промерзшую землю. Это, кстати, и было единственным способом согреться в морозную ночь, которая тянулась и тянулась как вечность.

И уже потом, оглядываясь назад, вдруг подумает: «А ведь это здорово, что служил именно в десанте! И что армия – это действительно настоящая школа жизни! Школа жизни с множеством разных проблем и вопросов, ожидавших мужских решений... И каждый день был словно маленький бой, в котором во что бы то ни стало надо одерживать победу. Победу над самим собой...

Но обо всём этом Сергей пока не знал, и думать не думал, ему ещё только предстояло пережить эти полгода «учебки» перед отправкой в войска. А сегодня шёл только седьмой день его службы. Всего лишь седьмой, только седьмой...

Уже потом, в череде продолжительных дней, ему, особенно

запомнится один. Высыпали они как-то все утром из дверей казармы и остановились поражённые красотой. Малиновый восход окрасил горизонт, где-то выше в небе этот цвет постепенно ослабевал, и переходил в голубой небесный цвет. Небо было чистое-чистое. А малиново-розовый цвет был везде; и на горизонте, и на здании казармы, и на белых берёзах, и на земле. Было начало марта, и уже чувствовалось тепло солнца, снег наполовину сошёл. Скамейки, дорожки и плац были уже свободны, лишь разве что покрыты кое-где тоненьким стеклом льда. А

воздух! Воздух был чистый и уже весенний. И хотелось дышать, дышать и дышать глубоко-глубоко...

Никто не забыт и ничто не забыто...

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Тольяттинский вестник

Литературное приложение

Интернет-издание Тольяттинского местного отделения

*Всероссийской общественной организации
ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО»*

К выпуску № 10 (33) – август 2022 г.

Директор издания: Богатырёв В. Ю. Редактор: Чекунов С.П.

Адрес редакции: 445051 г.Тольятти, улица Маршала Жукова – 12.

**При использовании материалов в печати ссылка
на данное издание обязательна**